

ЕСТЬ такое устоявшееся, ставшее привычным, уже потерявшее свою метафорическую яркость выражение: галерея образов, галерея героев. Хорошее выражение, точное. Особенно по отношению к творчеству выдающихся актеров: созданные ими вереницы образов, и действительно, выстраиваются в целые «портретные галереи», демонстрирующие обилие личностей, лиц и личин. Есть, например, галерея Игоря Ильинского. Есть галерея Андрея Миронова. Есть галерея Анатолия Папанова. Каждый раз — целый мир, населенный самыми разнообразными обитателями, вошедшими в контекст искусства, а стало быть, и в нашу с вами жизнь, в круг наших размышлений о них. И особенно остро осознается это, когда актер уходит от нас навсегда... Нет, точнее всетаки, наверное, так: человек уходит, актер, художник — остается. Вместе с именней своей галереей.

Выращивает, значит, на своей дачке клубнику на продажу? Внешне для середины 60-х это уже приговор: частный собственник — таких рисовали в ту пору в «Крокодиле» ражир дородным мурлом, выглядывающим из-за добротного забора, — то есть чуть ли не кулак, пережиток. Но обратите внимание: «Я торгую клубнику, выращенную собственными руками», — говорит не без гордости Сокол-Кружжик. Стало быть, с сегодняшней точки зрения (припомните годы бита с присущими участками) — нужнейший человек, предтеча нынешнего движения за социалистическую предприимчивость: работага, возделывающий необходимый для народного стола продукт, пособник государства. Я бы без всякой иронии сказал так: фигура в известной степени историческая.

Вот и получается: мурло кулацкое, манеры хамские, а человек порядочный, честный и работающий. Интересное сочетание, верно?

Потому и полное право имеет поиздаваться над зятем-проходимцем: «Ничего!

га, бесцеремонно обходящий покупаемый дом — прямоком через чужую спальню, людей не видя, не удостаивая их вниманием. Все — законченный Ионич... Конченный.

Шкала падения личности передана здесь Папановым с точностью и дотошностью недюжинного психолога: видно, как необратима эта постепенная деградация героя, сказывающаяся в ухватках, в походке, в манере говорить. И самое удивительное в этом процессе — глаза Старцева: они словно целую жизнь проживают, неузнаваемо меняясь к финалу: от добродушно-открытого взгляда до отталкивающего взгляда исподлобья. Глаза, словно умиравшие в день за днем, год за годом, — умеряется блеск, зрачки незаметно словно свинцом наливаются, тяжелеют, в засаленные монеты превращаются... Как это сыграно — бог весть.

А вот — вечно живой Антон Антонович Сквозник-Дмухановский в киноинтерпретации гоголевского «Ревизора», получившей название «Инкогнито из Петербур-

гия, на всякие инициативы косится подозрительно. «Вы едете в поезд и спите, — упрекают его, — вам нужно было сойти году в пятьдесят шестом, — а он стоит тем не менее на своем: «Вся ваша философия в слова «авось». Проявлять самостоятельность? «А тебе по шее».

Можно сказать, прямо-таки бюрократ. Но Папанов играет не просто состояние — он играет судьбу. Да, Дубинский на очень поворотлив, инертен, но отчего он таков? Соответствующее время укатало бывшего радиста Дубинушку из «10-го непромокаемого батальона», время жестких регламентаций и беспрекословного подчинения, когда единственно верным представлялось повиноваться вышестоящим как можно более четко, безоговорочно: ведь это считалось залогом успеха в любом деле... И, глядя на Дубинского — Папанова, осознаешь, что это по сути судьба целого поколения: юнцами ушедшие на фронт, они в кровавой мясорубке пережили свой звездный час, выполнили свое главное предназначение, и столько там было истрачено жизни,

ИЗ ГАЛЕРЕИ

ПАПАНОВА

Разом окинуть такую галерею взглядом невозможно — и, вспоминая великолепного актера Анатолия Дмитриевича Папанова сейчас, ровно год спустя после его смерти, остановимся лишь на нескольких «портретах» из громадного творческого наследия, на нескольких кинолентах, которые не то что наиболее (искусство — не фигурное катание с суммой баллов), а просто хороши, каждая по-своему, каждая по-папановски неординарна. Вариантов выбора тут немало — это лишь один из огромного множества.

Нестандартность таланта Папанова постоянно сказывалась прежде всего в комедийных ролях — хотя бы и совсем небольших. Да, он, вероятно, способен, как писали о нем в шестидесятых годах, «выжигать беспощадным огнем сатиры враждебное нашему обществу», но вот только, видите ли... как бы это сказать помягче... Фильм — это все-таки не напалмовая бомба, а кинокамера — не огнемет. Метафоры — метафорами, но актер — не дракон огнедышащий на должности цепного пса общественной морали, который, стало быть, дышал хорошенько — и пороки все в уголки. Искусство — не война на уничтожение, а образное объяснение мира и людей в нем. И это гораздо сложнее, нежели «выжигать беспощадным огнем», иначе достаточно просто раздать доверенным статистам по топору — и вперед.

Я это к тому, что «выжигать» — для настоящего актера не комплимент. Обличить наотмашь — не фокус: намалевал карикатуру позабойстей — и все дела. А вот показать натуру, корни ее социальные и психологические, структуру личности типичны или нет — это уже искусство. Платанная однозначность в сатире малозащитна: ну, засмеешься, ну, ужаснешься, а надобно задуматься. Мало личины, нужно содержание.

В 60-х это стало для кинематографа достаточно очевидным. Просто комедийная «маска» — пусть выразительная и доходчивая — уже не устраивала. И Папанов был одним из тех актеров, которые прибегали к принципиально новым средствам комедийной выразительности. Вот хотя бы его небольшая роль в комедии «Берегись автомобиля» — подполковник в отставке Сокол-Кружжик, ныне клубничный плантатор-единоличник. Казалось бы, какие уж тут глубины, какая душевная сложность: грубятина, горластый солдафон, куркуль времен построенного социализма, бесцеремонно пинающий жулика-зятя.

А ведь неоднозначная фигура этот Сокол-Кружжик. Причем прежде всего с социальной точки зрения.

В тюрьме тебя перевоспитают. Лет через десять вернешься другим человеком (помните эту изумительную интонацию?). Потому и возглас его зычный в финале, на суде: «Свободу Юрию Деточкину!» — от души, по-честному.

Что и говорить — абсолютно «штучный» папановский образ.

ОДИН из главных показателей уровня актерского «пилотажа» — это поверка классикой. И тут хочется вспомнить как-то незаслуженно ушедший в забвение фильм «В городе С.», поставленный по рассказу Чехова «Ионыч», потому что, если когда-нибудь будут создаваться видеохрестоматии по актерскому мастерству, роль доктора Старцева в исполнении Папанова должна войти туда обязательно.

Вот он в начале своей карьеры земского врача — трогательный и непосредственный, и ничем ему, что больных невпроворот, сиделки вору, а фельдшер перманентно пьян. Полный благих порывов, Старцев с душевной добросовестностью относится к своей деятельности, лечит вдохновенно, ужасно стыдясь предлагаемой мзды.

И пусть так идиотична действительность губернского С., где в гостинице просвещенная хозяйка, балующаяся от праздности литературой собственного приготовления, читает вслух немудреный свой роман о странствующем художнике и филантропке-графине, а за окном слободская молодежь с гиканьем и пошлостью гонит по улицам мертвеющую от ужаса собачонку с банкой на хвосте, — ничем этот Старцев, нежно следящему за Катенькой Туркиной, ведь он весь во власти светлого чувства влюбленности, этот неуклюжий честяга. Папанов, можно сказать, даже нежен, изображая этого уязвля-милягу, доброго малого, из которого, при его задатках, могла бы получиться личность чрезвычайно достойная.

Но вот уже и походка изменилась, ступает Старцев чуть грузнее... Тяжело опускается на стул — и уже привычно достает из карманов скомканные ассигнации, разглаживает, монеты в стопочку ровняет. Нечто налившие в лице появляются, какая-то душевная туповатость, заскорузленность... Даже немного страшно смотреть теперь на это лицо, ведь было чуть ли не юношеское одушевление, светлый порыв...

Еще один виток одуряющей провинциальной российской действительности — и это уже мрачный, насупленный сквалы-

га». Экранизация в целом не задалась — прежде всего потому, что «хлипкок» чрезвычайно оказался здешний Хлестаков, чей образ был построен на утрированном наигрыше, да и ряд других персонажей комедии явно «не тянул» на первоисточник. Однако Папанов — городничий стоит в этой картине особняком.

О, он далеко не глуп, этот Антон Антонович, хоть и кроет себя в финале «глупым бараном». Да, обозначил: принял «сосулку, тряпку» за важную персону. Но, наблюдая за Папановым — городничим, внимательный зритель понимает: нет, не по тупости обозначил Антон Антонович. И не с перепугу. И не от чрезмерного подобострастия. Он оттого Хлестакова не различил, что уже априори приехавшего ревизора презирал. Да, опасался, да, суетился, но в глубине души был в себе чрезвычайно уверен — свойство, воспитанное годами бюрократического самодовольного диктаторства. Не слабость его подвела, а собственная сила. Вот такую оригинальную трактовку образа предлагает Анатолий Папанов.

Уж такую лапчатку его городничий разыгрывает перед Хлестаковым — аж баюкать принимается, когда накурившийся властью пшот задремал, уморившись. Да вот только баюкает как-то по-волчьи, что ли, с недобрим таким оскалом.

И вот — финал: правда вышла наружу. И ярость его — «У, щелкоперы, либералы проклятые! чертова семья!» — отнюдь не жалкой выглядит, не бессильной, а по-настоящему страшной. И — ведь о подлинном ревизоре: все, крах, полное поражение, как это обычно и подается на сцене. Но взгляните на папановского городничего: нет, он не раздавлен, не сокрушен — только подобрался внутренне, набилсил. Этот так просто не сдастся...

Со стороны судить, конечно, проще — но вот что думается: если бы и остальные персонажи в фильме не были бы столь мелки и жалки, а играли бы в унисон этой мощной ноте Папанова, то весьма впечатляющая бы получилась трактовка российской бюрократии как организованно жестокого, мощного и неуступчивого.

УМЕНИЕ актера воплощать личности неоднозначные, многоплановые великолепно сказалось в фильме «Белорусский вокзал». Его герой, Николай Иванович Дубинский, на первый взгляд не особенно выразителен. Так, обычный служащий средней руки (или чуть выше), далеко не «передовых» воззрений. Человек достаточно консервативный; предпочитает верность инстру-

что на большее многих и многих уже не хватило...

Но он не прошел даром, этот звездный час, он — в крови. И когда зарвавшийся молодой хам, откатывший подвезти пострадавшего до больницы, схватится за монтировку, всегда такой инертный Дубинский вмажет ему, не задумываясь, от души: «На минуту себя как на фронте почувствовал; вот враг, рядом свои — и наше дело правое»...

«Наше дело правое» — это мог бы повторить и последний герой Анатолия Папанова — Николай Павлович Старобогатов из фильма «Холодное лето пятьдесят третьего...». Сугубо мирный человек, он, объявленный «английским шпионом», напроць, казалось бы, сломленный лагерями и ссылкой, берется за оружие, чтобы встать на защиту человеческого достоинства и справедливости против банды озверевших уголовников.

Есть какие-то роковые совпадения в жизни — и когда Папанов — Старобогатов говорит с экраном: «Об одном жалее. Годы. Так хочется пожить по-человечески. И работать», — у нас невольно слезы наворачиваются на глаза, потому что мы уже знаем, что этот голос доносится до нас словно из небытия...

МОЖНО много говорить о кино-ролях Анатолия Папанова — от трагического генерала Серпилина в «Живых и мертвых» до гротескного бандюги Лёлика из «Бриллиантовой руки», о многолетнем его творчестве на сцене Театра сатиры — тема огромная, богатая (да уже только о его озвучивании Волка в мультсериале «Ну, погоди!» можно написать целое исследование). И дело здесь не просто в количестве сыгранного.

Выдающийся актер всегда играет более того, что заложено в роли буквально, обогащая ее и собственными человеческими качествами, и знанием жизни, передавая не только образ, но и судьбу, и обстоятельства этой судьбы — время, с которым она воедино слита, и ее возмможную генеалогию — всего и не перечести.

Это не только урок искусства, но и урок жизни. Как говорится, весь мир — театр, а коли так — умейте сыграть свою жизненную роль, не ограничиваясь рамками предлагаемого обстоятельствами сценария. Живите не только «от имени себя», но и от имени поколения, от имени времени. Нужный урок.